

Тайные торги на Банкете в канун Нового года в Башне Весенней реки всегда проводились вслепую.

После того как очередная красавица покидала сцену, у гостей оставался ровно час. За десять лянов серебра у служителей борделя можно было выкупить деревянную плашку с именем приглянувшейся девицы. К этой плашке прикладывали записку с предложенной ценой и отправляли во внутренний дворик, где жила хозяйка заведения, матушка Фэн. Тот, чья ставка оказывалась выше, получал право выкупить девушку на волю — такова была цена свободы.

Были, конечно, и ставки попроще. Например, для Чуян, которая выступала задолго до Цзиньли.

Стоило Чуян сойти с помоста, как кто-то в зале подозвал служанку, вручил ей один лян серебра, забрал именную дощечку и передал записку со своим предложением. Так покупали первую ночь юных дебютанток Башни Весенней реки. Обычная плата за мимолётное плотское утешение, где всё тоже решал кошелёк: кто больше дал, тому и девица.

По залам и коридорам сновали юркие служанки, но жарче всего жизнь кипела у покоев хозяйки — туда и обратно непрерывным потоком тянулись люди.

Сы Вэй и Цинлу послушно шли следом за Цзиньли, пробираясь за провожатой к заветному дворику.

Матушка Фэн сейчас крутилась как белка в колесе. Двери её гостиной были распахнуты настежь. Служанки так и сновали туда-сюда с деревянными подносами, на которых громоздились именные дощечки девиц и записки с ценой. Десять лянов — залог за право выкупить на волю, один лян — плата за право побороться за первую ночь дебютантки. А дальше решали только чистые деньги.

Если бы речь шла об обычных, уже работающих девицах, этот вечер просто поднял бы их цену, но тут дело обстояло иначе. Гости капризничали, сталкивались лбами из-за одной и той же красавицы, никто не хотел уступать... Всё это требовало железной руки, иначе до драки и обид — один шаг.

Едва они переступили порог дворика и сделали несколько шагов по крытой галерее, как из гостиной донёсся зычный, яростный голос матушки Фэн. Она распекала одного из слуг:

— И что с того, что он сынок уездного инспектора училищ? Этот паршивый восьмой ранг тебе так поджилки сокрушил, что ты перед ним пресмыкаешься? Да будь тут сам инспектор Сун, платить всё равно пришлось бы сполна! Раз уж этот щенок назвался, живо дуй в усадьбу Суна. Шуметь не надо, просто тихонько шепни инспектору, что его ненаглядный сыночек повадился в моём заведении батюшкиным именем размахивать!

— Сопляк! Кое-как сдал первый экзамен, в его годы люди уже семьями обзаводятся, а он всё в

кандидатах ходит, до учёной степени как до луны пешком! И этот недоумок смеет качать права в моей Башне Весенней реки?!

Голос матушки Фэн гремел так, что Сы Вэй и его спутницы, застыв на галерее в нескольких саженьях от двери, отчётливо слышали каждое слово. Куда делось то величавое спокойствие, с которым она в Здании Музыкальной мастерской руководила музыкантами! Сейчас она походила на разъярённую тигрицу, готовую разорвать любого, кто попадётся под горячую руку:

— Трёхлетний ребёнок после нужника и то знает, что надо за собой подтереть, а вы? Язык отсохнет вежливо успокоить гостя, увести подальше от толпы, а там уже разбираться? С такой ерундой справиться не можете! Всё на меня вешаете, всё за вами дерьмо подбирать! Сдохну я — вы же по миру пойдёте, олухи!

Криками дело не ограничивалось: служанки без остановки сновали взад и вперёд, поспешно выкладывая на столы новые дощечки и стремясь поскорее убраться подальше от гнева хозяйки. Матушка Фэн ругалась, но дело своё делала споро и чётко.

Сы Вэй, выслушав эту тираду, лишь мысленно вздохнула.

«Да уж, сфера услуг везде одинакова. Какими бы идеальными ни были планы, всегда найдётся придурок-клиент или безрукий коллега, который всё испортит».

Сы Вэй думал, что их поведут прямо под горячую руку матушки Фэн, но служанка свернула с галереи и остановилась перед дверью бокового флигеля.

Стоило ей распахнуть дверь, как на прибывших повеяло густым теплом от жаровни. Внутри, разомлев от жара, дремала нарядная пожилая служанка. От стука двери она встрепенулась, мгновенно вскочив со своего резного табурета.

Протерев заспанные, мутные глаза, она испуганно уставилась на вошедших:

— Барышня...

Цзинли лишь небрежно кивнула и, придерживая полы кроличьей шубки, ступила на мягкий ковёр. Сы Вэй и Цинлу, обнимавшая свою пипу, вошли следом.

Обстановка флигеля казалась немного странной. Для девичьей опочивальни здесь не хватало лежа, для кабинета — книг, зато у окна высился туалетный столик с огромным, в половину человеческого роста, зеркалом.

Это зеркало было особенным. По настоянию Сы Вэй его покрыли тонким слоем оловянно-ртутной амальгамы. Отражение в нём не отдавало привычной дешёвой желтизной, а было на

удивление чистым и чётким. Настоящее чудо по сравнению с той маленькой тусклой бронзовой пластиной, что висела в прежней комнате Цзиньли.

Именно с помощью таких зеркал, а также ледяных линз, которые Сы Вэй загодя выморозила в медных тазах и тщательно отполировала, ему удалось сотворить то невероятное световое представление на сцене главного зала.

— Матушка велела передать, что сегодня барышню приметил знатный гость из самой столицы, — зашебетала бойкая служанка, и она искренне позавидовала. — Он выложил целых восемьсот лянов серебра, чтобы выкупить вас! За людьми уже послали в уездную управу, чтобы оформить все бумаги. Как только они вернутся, вы, барышня, навсегда покинете этот омут!

Дремавшая до этого старуха захлопотала, расплываясь в угодливой улыбке, отчего её лицо покрылось глубокими морщинами:

— Какое счастье, барышня! Поздравляю, от всей души поздравляю!

Служанка тем временем тихо выскользнула за дверь, оставив их наедине.

Сы Вэй и Цинлу молча стояли в сторонке. Старуха, не переставая сыпать поздравлениями, принесла таз с горячей водой и принялась бережно смывать с лица Цзиньли сценический грим. Закончив, она нанесла на её кожу прозрачный защитный бальзам — дорогое средство, которое благородные дома закупали для своих женщин, чтобы уберечь лица от зимней стужи.

Цзиньли сидела на вышитом пуфе перед зеркалом и молча разглядывала своё отражение. С тех пор как они вошли, она не проронила ни слова, безучастно позволяя служанке снимать тяжёлые украшения и смывать белила.

Сы Вэй нахмурился и тихонько толкнул Цинлу локтем:

— К чему эти приготовления?

Цинлу светилась от радости. Она склонилась к уху Сы Вэй и прошептала:

— Невесте полагается новый наряд. Сейчас принесут свадебное платье, позолоченный серебряный гарнитур и два сундука с тканями — это подарок от матушки Фэн, её приданое для уходящих девиц. Такое дорогое позолоченное серебро дают далеко не каждой. Его заслуживают лишь те, кто жил в отдельных покоях в глубине сада.

Сы Вэй сразу всё понял. Подарки матушки Фэн напрямую зависели от того, сколько доходов приносила девица заведению.

С головы Цзиньли сняли последние шпильки. Старуха осторожно распустила её высокую причёску и принялась расчёсывать длинные пряди гребнем, смоченным в ароматном масле. Каждое движение она сопровождала напевным приговором:

— Первый раз чешу — до самых пят, жить вам в ладу да согласии. Второй раз чешу — пусть дом будет полной чашей, а дорога — гладкой да лёгкой...

Сы Вэю от этих свадебных присказок стало немного не по себе.

Не успела нянька закончить свои причитания, как дверь скрипнула и в комнату вошла матушка Фэн в сопровождении двух верениц служанок.

Пожилые женщины несли на подносах роскошное приданое. На одном лежало алое свадебное платье, на другом сияла позолоченная корона. За ними следовали ещё двое с полным ювелирным набором: от изящных шпилек и гребней до браслетов на руки и тонких цепочек на щиколотки. Замыкали шествие служанки, тащившие два увесистых деревянных сундука — те самые обещанные ткани.

— Положите всё здесь, — распорядилась матушка Фэн. — Свадебный убор оставьте у зеркала, остальное сложите в сундуки. Закончите — и марш в главный зал, следить за торгами. Чтобы без глупостей мне там.

Служанки молча поклонились, быстро расставили вещи и без лишнего шума покинули комнату. В их движениях чувствовалась строгая выучка.

Когда дверь захлопнулась, матушка Фэн без лишних церемоний оправила рукава и уселась в кресло. Её взгляд встретился с растерянным взглядом Цзиньли в зеркальной глади.

Фэн Чуньнян тяжело вздохнула и кивнула на выстроившиеся рядами дары:

— В этих сундуках шёлк и тонкая парча. Вещи не запредельно дорогие, но добротные — на любой сезон хватит, и перед приличными людьми показаться не стыдно. А вот это украшение держи поближе к телу и никому не показывай.

Она подалась вперёд, уперев руки в колени:

— В благородных семействах бабе без своего гроша за душой ловить нечего. Не сумеешь сберечь приданое — всю жизнь проживёшь бесправной тварью, об которую каждый встречный будет вытирать ноги. Так что прячь эти побрякушки вместе со всем, что успела скопить за эти годы в моём заведении.

Она замолчала на мгновение, а когда заговорила вновь, она прищурилась, и её взгляд стал ледяным:

— Это твоя опора на всю оставшуюся жизнь. Твой спасательный круг. И если кто-то посмеет протянуть к нему лапу — перегрызи ублюдку глотку без раздумий.

Матушка Фэн зло прошлась взглядом по комнате:

— В это болото благополучные девки не попадают, тут у каждой судьба через колено переломана. Да только кому в этом мире легко?

Она резко оборвала робкую попытку Цзиньли опустить глаза:

— И брось мне эти замашки! Раньше у тебя гордыня была до небес, а жизнь — тонка, как рисовая бумага. Но раз уж тебе выпал шанс вырваться из этого гадюшника, так изволь жить как человек! Выйдешь за порог — распрями спину так, будто лом проглотила.

— Запомни раз и навсегда: бабья доля всегда выгрызается зубами. Ты меня поняла?

Старуха-нянька, испуганно втянув голову в плечи, застыла с гребнем в руках, боясь даже вздохнуть под этим леденящим душу взглядом хозяйки.

<http://bllate.org/book/18280/1760985>